

Забытое звено в системе культурологии

Ирина ЕЛАТОМЦЕВА,
кандидат
искусствоведения

Общественный интерес к культурологии несколько напоминает эпидемию гриппа – то разгорается с невероятной силой, то совсем затухает, и тогда «здоровое» население радуется земным благам в уверенности, что все в порядке, принятые меры не допустят новых бед. Но проходит время, и вирус ошеломляет своим коварством: группа «А» сменяется «В», затем птичьим, свиным и Бог знает еще каким. Жизнь постоянна в своих сюрпризах!

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА КУЛЬТУРОЛОГИИ

Культурологические всплески в прессе, казалось бы, уже выяснили все фундаментальные и дискуссионные вопросы, и многим тема кажется неактуальной. Но стоит сделать сравнительный анализ имеющихся изданий по культурологии, как окажется, что в системе этой науки немало противоречий и белых пятен, которые вызывают очередную волну дискуссий. В данном случае спор не столько о сущности науки, сколько о ее структуре, материалы для которой обычно находят в древности и берут примеры из истории разных этносов, их мифологии и пространственных искусств.

Утверждение, что эмпирическая культурология не может быть дайджестом всех искусствоведческих дисциплин, конечно, не подвергается сомнению, поскольку ясно, что нельзя объять необъятное. И все же зачастую звучит мысль об интегративном характере культурологической науки. Она, конечно, говорит обо всем понемногу: об архитектуре и скульптуре, живописи и музыке, литературе и театре. А несведущим читателям и слушателям такое познание фактов истории мировой художественной культуры, безусловно, тоже полезно.

Но если факты основательно не подчинены системе, не связываются путеводной нитью, они превращаются в мозаику, которую можно заучивать, запоминать, иногда к месту употреблять в светском разговоре, даже радоваться узнаванию ее кусочков – в книгах, альбомах, тем более музеях. Но понять сущность памятников художественной культуры на базе этих «кусочков» невозможно.

Если уж культурология опирается на всеобщую историю искусств, то должна отчетливее обрисовывать системный подход к ее материалу. Он гораздо больше поможет самостоятельным суждениям об истоках и истории мировой художественной культуры, ее достижениях и потерях, тенденциях и судьбах.

Как ни спорна была «Морфология искусства» М.С. Кагана, она в свое время серьезно претендовала на путеводитель по истории и имела свой убедительный отправной пункт [1]. Сравнивая паритетные этнокультуры, исследователь пришел к выводу о первоначальности символических знаков в украшениях человека и предметах, его окружавших. В тот период, когда архитектуры не существовало, а жильем служили пещеры или навесы из веток, декоративно-прикладное искусство имело право главенствовать. Ритуальные песни и

ОБ АВТОРЕ

ЕЛАТОМЦЕВА Ирина Михайловна.

Родилась в 1929 году в Ленинграде. В 1953 году окончила ЛВХПУ (ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица).

Работала научным сотрудником в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, старшим преподавателем истории зарубежного, русского и советского изобразительного и декоративно-прикладного искусства на кафедре теории и истории искусства БГТХИ (ныне – Белорусская государственная академия искусств). В настоящее время – член секции искусствоведения и критики Белорусского союза художников.

Кандидат искусствоведения (1964).

Опубликовала более десяти монографий, десятки статей в периодической печати.

Сфера научных интересов: теория искусства, история мирового и белорусского искусства, культурология.

танцы дикарей отчетливее выявляли духовную наполненность жизни «нецивилизованных» людей. А рисунки со сценами охоты, как на египетских глиняных мисках каменного века, обоснованно указывали на их право быть в приоритетной черте жизни, значит, в истории и теории культуры.

В существующих учебниках и учебных пособиях по культурологии эта заповедь пока игнорируется, и ни одно крупное издание, следующее хронологическому принципу, не исследует данную тему. Декоративно-прикладное искусство практически полностью вышло из сферы интересов теоретиков культурологии. В действительности же оно не только дополняло, но и по-иному, чем принято думать, расставляло акценты в истории стран, демонстрировало массовое творчество народа. Понятие духовности, которое опекает культурология, в таком случае оказывалось более широким. Потому благородное стремление науки сохранить и упрочить духовное начало в жизни современного общества усилилось бы с обращением не только к классическим примерам музыкального, танцевального искусства, но также и декоративно-прикладного. Нельзя говорить о сложных по мысли и форме произведениях в отрыве от фона и почвы, которая их взращивала.

Трудно представить, почему в XVIII веке должны были возникнуть такая витиеватая музыкальная форма, как арии для колоратурных сопрано, или появиться галантные сцены А. Ватто, эротические сюжеты Ф. Буше, если не знать быта, среды и нравов этого столетия. Платя с глубоким декольте, пудренные высокие прически, тонкие талии в корсетах придавали всей среде карнавальность, а женщине – черты красивой куклы. Весь уклад жизни времени правления Людовика XV полностью отвечал кличу регента герцога Орлеанского: «Повеселимся, господа, а после нас хоть потоп».

Соответственно этому роскошное убранство интерьеров стало нормой, изощренные вкусы и потребности продиктовали чрезмерно усложненные украшения из бриллиантов на костюмах и прическах, на парадном оружии и часах, вошел в моду дорогой фарфор. Быт превратился в театральный спектакль, усложнились придворные церемонии.

Эдме Бушардон.
«Амур, делающий себе лук
из палицы Гераку-
леса». 1750 год

Но учебники об этом ничего не говорят. А ведь быт и нравы, духовные достижения всегда были и остаются нераздельно связанными, без их слитного изучения нельзя «войти» в эпоху, без них духовность получается односторонней, ненастоящей.

Из этого следует вывод о многослойности духовности, которую нельзя рассматривать в отрыве от многих составляющих: религиозной и научной, этической и эстетической. И, конечно, повседневной – на бытовом уровне. Предметы быта трактуются узко, а ведь душевный комфорт в повседневной жизни, мир, покой, домашнее счастье – все это важно для познания эпохи. В современных условиях проблема бытовой культуры как части общей духовности не всегда рассматривается как парадигма душевной красоты, полноценного бытия, жизненного блага. Хотя очевидно, что именно эти понятия теперь наиболее искажены в сознании масс. Важно поэтому, чтобы общественным приоритетом становились подлинные, а не мнимые ценности, формировался протест против показного богатства, неоправданной роскоши – как и всех образцов масскультуры, фальши, безвкусицы. Это своего рода прикладная этика культурологии.

ЭСТЕТИКА БЫТА

К сожалению, едва ли не все культурологи обошли молчанием прямую связь истории мирового искусства и прикладного. Лишь педагоги в Венгрии в XX веке в художественных учебных заведениях начинали чтение всеобщей истории пространственных искусств именно с декоративно-прикладных форм. Соответственно в этой стране были достаточно высокие достижения и в скульптуре, живописи, керамике и пр.

В статье белорусского ученого, доктора культурологии В.Ф. Мартынова «Общечеловеческие ценности по выбору» [2, с. 52] подчеркивается, что национальная духовность, подкрепленная и развитая произведениями отечественного искусства, важна всей художественной культуре и национальной в частности. И в первую очередь тем, что укрепляет патриотические чувства и учит любви к своей земле, народу. А где, как не в национальном народном декоративно-прикладном искусстве –

расшитых рушниках и расписных збанках, тканых узорах постилок – ярко воплотились многовековые идеалы и образы народной культуры! Если народная песенная и танцевальная культура дошли до нас от XVIII–XIX веков, то глиняные горшки и миски со спиральями и волнами донесли воззрения людей многотысячелетней давности. Глиняная посуда неолита в ряде случаев идентична по форме и узорам современной народной. Разве это не чудо, не факт жизненной силы и глубины корней национальной культуры? Культурология многое утрачивает в своей воспитательной функции, игнорируя подобные факты.

Скоро не нужны будут словесные доказательства и теоретизирования по поводу духовности «вообще», если наука не сумеет преодолеть барьер ограничения. И пройдет мимо потомков, если не будет постигнут факт, насколько дороги всегда были людям мирные цели и забота о благе семьи, общем благополучии.

Декоративно-прикладное искусство – керамика, ткачество, мебель, костюм, изделия из дерева, металла, соломки – бифункционально, то есть утилитарно и художественно одновременно. Конечно, бывают и псевдонародные образцы, и неудачные вещи, безвкусные поделки начинающих или неумелых людей. Массовая продукция современных коммерческих фирм дополняет их китчем. Многие люди падки именно на такую дешевую в художественном отношении, общепонятную продукцию. Но совершенно ясно, что семена духовности в лекциях о высоких материях и искусстве прошлого не прорастут добром, если упадут на такую почву.

Декоративно-прикладное искусство, подобно лакмусовой бумажке, проявляет скрытые, на первый взгляд, качества человека. Оно успешно ориентирует на правду в обиходе, выявляет дурные наклонности и ошибки в суждениях о красоте. Сквозь тяжеловесное кричащее «богатство» видна грубость и художественная беспомощность их владельца. Жилье – зеркало человека, и оно тем более ждет внимания культуролога.

Специалисты говорят, что положение самой культурологии ныне не столь благополучно, как следовало бы, этот учебный предмет необязателен, и студенты созна-

На выставке «Хата – мой сусвет» в Музее истории белорусской литературы в Минске

тельно отказываются от него, не видя практической пользы. А она могла бы быть.

Педагогам кажется, что их наука переполнена фактами из разных искусств, потому новые «вставлять» некуда. Но отказ гуманитарной науки от злободневности вредит ей самой. Спешащие за модой молодые люди уже всюду – на улице и дома, в музеях и библиотеках. Но зачастую они просто не понимают и не чувствуют, что и куда следует надевать. Костюм как важная часть декоративно-прикладного искусства мог бы успешнее контролироваться с помощью культурологии.

К сожалению, культурология – и теоретическая, и эмпирическая – и о стилях искусства говорит отстраненно, как об академических понятиях. Между тем здесь все непросто, существуют живые, актуальные участки проблемы. Загромождающие место тяжеловесные «под старину» комоды и кресла быстро обнаруживают свое несоответствие научно-техническим преобразованиям и рациональному устройству быта, который сегодня создается не в последнюю очередь для успешной и индивидуальной работы и здорового образа жизни. Люди не знают законов синтеза, гармонии ансамбля, в котором ретро может быть только паузой.

Все эти знания приходят не сразу и даются не всем, но именно они в большой мере служат свидетельством культуры, воспитанности человека. Декоративно-прикладное искусство, не подменяя этики, морали, правил хорошего тона, явно им служит. Эстетика быта создается совокупностью средств и комплексом знаний и видов деятельности. Это очень актуальная область науки.

Культурологии, естественно, нужны очень квалифицированные специалисты. В связи с этим остро встает проблема отсутствия у молодых остро базовых знаний. Курсы повышения квалификации преподавателей – филологов и историков – не дают полного приобщения к предмету. Ведь пространственные искусства являют собой насыщенный фактами исторический курс, а значит, обязывают к его специальному знанию, которое в упрощенном варианте упрощает и его суть.

Археология и гражданская история, филология и этика, эстетика своими материа-

лами совокушно служили искусствоведам. Чтобы хорошо говорить об искусстве, надо его безупречно знать. А потому успешное изложение материалов в состоянии делать лишь подготовленные искусствоведы. Когда слушатели видят неполноту осведомленности лектора, они быстро теряют к нему и к предмету интерес. С другой стороны, эмпирическая культурология, становясь обзорным предметом, не интересуется пополнением своей структуры. А талантливый педагог сможет устранить возникающие пробелы и найти место даже самому массовому и общедоступному декоративно-прикладному искусству. Тогда история и теория культурологии плотнее свяжутся с практикой.

В ПЛЕНУ ДИЗАЙНА

О проблемах культурологи будут спорить долго, если не всегда, разногласий в самом определении предмета можно насчитать более 500, так что и вопросы структуры не окончательны.

Теоретическая статья доктора философии, профессора И.Я. Левяша касается обоснования наиболее важных понятий, проблем и сущности культурологии [3, с. 44–51]. Напоминание о разных точках зрения на предмет, различие определений смогли укрепить читателя в сознании, что в этой молодой науке многое еще находится в стадии становления. Так и обсуждаемое здесь декоративно-прикладное искусство может рассматриваться не только с исторической, но и с теоретической точки зрения.

Сопоставляя разное понимание культурологии, философ И.Я. Левяш осветил и разные значения понятия духовности, различным образом проявляющейся в социально-гуманитарной и научно-технической сферах. Пример эпохи Просвещения с ее доминантой Разума и XIX–XX веков, восстановивших в правах категорию Души, показал принципиальные различия научно-технической и духовно-творческой позиций. Теоретик А.С. Кармин резко разделяет научно-технический и гуманитарный миры [4]. Но все ученые отдают пальму первенства именно «одушевленной» культуре. И.Я. Левяш, например, считает ее инициатором прогресса, а культурологию – наукой о глубинных основаниях

человека и его мира. «Культурология... наука об общих закономерностях и смысле культурно-цивилизационного процесса, его становлении, структуре, функционировании и развитии, их интерпретации с позиций современной ситуации в триаде «культура – цивилизация – варваризация», – утверждает философ [3, с. 49]. Грань между культурологией и культуроведением не мешает говорить о душевном компоненте декоративно-прикладного искусства.

С теоретической точки зрения это искусство вдвойне интересно тем, что совмещает в себе два вида духовности, научно-техническую и образно-творческую. Оно междисциплинарное, комплексное. Роль технических инноваций ясно видна в дизайне, отпочковавшемся от традиционной художественно-прикладной деятельности.

XII областной фестиваль-конкурс молодых модельеров и дизайнеров одежды «Стиль-2010» в Бресте

Новые машины и приборы, станки, виды транспорта, электроники – в ведении дизайнера. Можно ли говорить о прогрессе современного общества без учета таких реалий?

Молодым фанатам техники с их «гаджетами» подчас и впрямь трудно переместиться в мир старинных песнопений и ритуальных танцев. Они пленены дизайном. Может быть, нужен учет реальной ситуации в жизни и искусствах, меняющих со временем свое значение в отдельных отраслях, переживающих обновление и изменение видов и жанров? Известно, что диорама и панорама заменились кино- и фотопроекциями, усилилась роль светотехники. Возможно, дизайн тоже ждет своего

внимания. Жанрово-видовая структура декоративно-прикладного искусства, как живой организм, чутко реагирует на изменения времени. Не нужно ограничиваться иконографией прошлого. Величие Леонардо да Винчи, Микеланджело, О. Родена, А. Бурделя не померкнет рядом с примерами нового времени, нужно только творческое раскрытие его достижений.

Духовная элита может устремиться в Дрезден к «Сикстинской мадонне» Рафаэля, в Лувр к «Джоконде» Леонардо или замереть от восторга перед полотнами импрессионистов. А внимание молодого человека, запомнившего только дешевую черно-белую репродукцию в учебнике культурологии, неплохо было бы обратить на более доступные подлинники, в том числе на керамику, стекло, дизайн. Ведь декоративно-прикладное искусство

Около 30 молодежных экспериментальных арт-проектов было представлено на втором белорусском фестивале «Fun house» в Минске. Апрель 2010 года

связано с понятием стиля, с исторической, индивидуальной эволюцией стилей, их значением для общества в прошлом и ныне. Не современная попсовая мода, а исторические общеевропейские, национальные, региональные стили много значат для формирования культуры человека. В них как в капле воды отражается жизнь целых эпох, рассказы о которых не менее увлекательны, чем сюжеты картин и литературных произведений. Таинственная история альгамбрских ваз с гранадской земли, невероятные дворцовые интриги в подтексте кружевного фаянса «сен-поршеров», отшельническая жизнь в заточении алхимика И. Бетгера, изобретателя и творца роскошного мей-

сенского фарфора, – все это символы эпох, семиотика, герменевтика искусства.

Каждая хорошая вещь – как человек со своей биографией. На примерах дизайнера тоже можно знакомиться с творцами, с эволюцией общих форм от школы Баухауза начала XX века к браунстилю в середине столетия и далее к современности с ее аэродинамическими линиями напряженных силуэтов. Произведения настоящих мастеров учат наслаждаться красотой форм и силуэтов, а не ценой. Некоторые люди теперь могут купить все, что угодно, без всякого смысла, только из снобистского желания затмить всех дороговизной покупки. Но умение продемонстрировать при этом вкус и богатую внутреннюю культуру стало редкостью. Воспитательный, информационно-просветительный аспект искусства становится все менее и менее существенным.

ИДЕЙНОСТЬ АРТЕФАКТОВ

Значение истории материально-художественной культуры в отечественной науке недооценивалось и прежде, что пагубно сказалось на фундаментальных стадиях теории искусства. Артефактам откачивали в идейности. Напомним, что в середине XX века Московский заочный полиграфический институт впервые выпустил курс лекций Н. Бабичевой по учебной дисциплине художников-иллюстраторов [5]. И маленькая брошюра произвела фурор. Оказалось, что педагоги не знали предмета, а художники впервые услышали о видах и названиях древней утвари, костюмов и мебели, об их информативности.

В конце XX века сводные книги по истории декоративного искусства еще были редкостью. Поэтому стало необходимым переиздание книги А. Кубе «История фаянса» [6] и перевод книги А. де Морана «История декоративно-прикладного искусства» [7]. Новинки покупались нарасхват. Следуя велению времени, А. де Моран отвел целую главу дизайну и ввел в оборот множество важнейшей информации. Так что культурология, как видим, вполне могла идти в ногу со временем.

Теперь подобные издания есть лишь в библиотеках. Их читают охотно, особенно художники. В учебниках же и учебных по-

собиях эти сведения донныне практически полностью отсутствуют. Тем интереснее исключения, например, целый курс лекций по культурологии, изданный в Академии управления при Президенте Республики Беларусь С.В. Лапиной [8]. В нем еще нет речи о прикладном искусстве, но вся программа логично начинается с материальной культуры, которая рассматривается именно как предшествующая или параллельная собственно духовной, как базисное явление.

Материальная культура делится автором на составляющие: производственную, обслуживающую и военную. Производственная – это предприятия, станки, орудия производства. Обслуживающая – жилье, обстановка, утварь, одежда. Жилью, кстати, в этих лекциях уделено особое и вполне правомерное внимание. Жилой дом рассматривается как объект забот и творчества его обитателей. Отсюда недалеко до обоснования декоративно-прикладных форм творчества, а от производственной сферы – и дизайна.

Декоративно-прикладное искусство в системе Лапиной не упоминается, но по смыслу ясно, что оно должно быть именно в этой части культуры. Будь оно названо, культурологическая система стала бы стройнее, обрела бы логическую последовательность. К такому же выводу направляет и учебник под редакцией А.С. Неверова [9].

Таким образом, научные изыскания в области культурологии, будучи весьма разнообразными, понемногу совершенствуют суждения ученых о формировании целостной научной дисциплины о культуре.

Для истории декоративно-прикладного искусства в искусствоведении тоже накопилось немало наблюдений социально-гуманитарного характера. Есть и спорные моменты. В книге А. де Морана, например, это искусство относится к орнаментальному и рассматривается с точки зрения эволюции орнаментального языка. Такой подход, безусловно, слишком узок и не может быть взят за основу для определения, поскольку вместе с орнаментом в этом виде искусства менялись и другие элементы: формы, функции, технологии и пр. Историки стилей европейского искусства считают главным отличием «прикладных» произведений неразрывную связь с разными стилями эпох, народов, государств.

Венера Милосская. Около 130–100 гг. до н.э.

Такая точка зрения была бы убеждающей, если бы не несовпадение истории европейских стилей с путями искусства других континентов. Особенности содержания и формы у каждого народа всегда были неповторимыми. У племенных союзов единого стиля не было. В Китае история искусства делилась не по стилям, а по времени правления императорских династий. Стало быть, категория художественного стиля тоже не бесспорная, проблемная и нуждается в разработках. Да и сам термин «стиль» – не универсальный.

Адекватным сущности и эволюции декоративно-прикладного искусства представляется термин «стилистика», принятый в теории литературы. Он направляет ко всем континентам, стилям, региональным и индивидуальным разновидностям образов, он мобильный и гибкий. Понятие «стилистика» весьма удобно научному языку современного искусства и искусствоведения, касающегося архитектурно-художественной практики XX – начала XXI века, в которой единого стиля не было и нет.

Глобализация культуры, нивелируя самобытное творчество, тем более не вернет к жизни термин «стиль». Поэтому декоративно-прикладное искусство будет и впредь ждать внимания ведущих наук: философии, социологии, культурологии, эстетики, искусствоведения, которым придется вместе работать над уточнением терминологического аппарата. Интеграция наук – реальная перспектива. ┘

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган, М.С. Морфология искусства / М.С. Каган. – Л.: Искусство, 1972.
2. Мартынов, В.Ф. Общечеловеческие ценности по выбору / В.Ф. Мартынов // Беларуская думка. – 2008. – № 2.
3. Левяш, И.Я. Не приоритет, а паритет / И.Я. Левяш // Беларуская думка. – 2008. – № 8.
4. Кармин, А.С. Культурология / А.С. Кармин. – Изд. СПб., Москва, Краснодар, 2004.
5. Бабичева, Н.Н. История художественно-материальной культуры / Н.Н. Бабичева. – М.: Изд. полиграф. ин-та, 1959.
6. Кубе, А. История фаянса / А. Кубе. – Берлин, 1925.
7. де Моран, А. История декоративно-прикладного искусства / А. де Моран. – М.: Искусство, 1984.
8. Лапина, С.В. Культурология. Курс лекций в Академии управления при Президенте Республики Беларусь / С.В. Лапина. – Минск, 2007.
9. Культурология / под ред. А.С. Неверова. – Минск: Вышэйшая школа, 2007.